

Вл. Орлов:

«ЖИЗНЬ, СТАВШАЯ СУДЬБОЙ»

«Глубина, гранитом темным сжатая»

Ленинград в те дни был наполнен для меня присутствием Блока. «Сумрак дня», «тукслых улиц очерк сонный», «хмурое небо», «фонарей убегающий ряд» — блоковские строчки наплывали, звучали бесполой музыкой «тревожного», «неуповимого», «непостижимого» города поэта...

С этим городом Блок был связан жизнью. Он родился здесь, здесь прожил свои недолгие годы, здесь нашел свое последнее пристанище.

Мне казалось, что я знала блоковский Петербург. Не раз видела и старинный двухэтажный «ректорский дом», стоящий бок о бок со знаменитыми петровскими «Двенадцатью коллегиями» — нынешним зданием Ленинградского университета, — в том доме поэт родился; и казармы Гренадерского полка на окраине Петербургской стороны, у Большой Невки, — там, в казенных квартирах отца, прошли детство и юность поэта... Бывала и в других памятных блоковских местах.

Но в незабываемые, по-ленинградски гуманно-дождли-

вые мартовские дни прошлого года город поэта словно открывался мне заново. Окраинные, пустынные улочки, так любимые Блоком, гульки, «пахнущие морем» переулки, сумрачные «колодцы дворов», острова — Петровский, Крестовский и Елагин, с их сырыми аллеями, хлопьями под ногами потемневшим талым снегом... Только теперь я начинала постигать душу блоковского Петербурга, его «глубину, гранитом темным сжатую». И всем этим я была обязана моему удивительному «гиду» — писателю и ученому Владимиру Николаевичу Орлову.

Я приехала тогда в Ленинград, чтобы поговорить с Владимиром Николаевичем о его новой книге, незадолго перед тем увидевшей свет и сразу же привлечшей к себе внимание читателей книги о жизни Александра Блока, о «Гамаюне», грядущей всей жизни, в котором соединилось то, что было узано, терпеливо ждало за долгие годы изучения творчества Блока, «оживания» в трагическом и праздничном мире его поэзии и судьбы.

Ровно полвека отделяют «Гамаюн» от первой публикации Вл. Орлова о поэте, появившейся в 1928 году в ленинградской газете «Смена». Полвека литературного труда — книга по истории русской литературы и журналистике, изданий «библиотеки поэта», сочинений Грибоедова, декабристов...

Полвека изучения Блока, любовь к которому, однажды в ранней юности завладев им,

не отпускала уже никогда. За эти годы под редакцией Вл. Орлова вышло не одно собрание сочинений поэта, были и книги. Но главная появилась только теперь.

«Он весь — свободы торжество!»

— Идея «Гамаюна», — рассказывает Владимир Николаевич, — возникла давно. Чем больше я занимался Блоком, тем острее, отчетливее ощущал потребность написать о Блоке — человеке, гражданине, написать об этой грандиозной личности, сумевшей не только в своей поэзии, но и в судьбе своей запечатлеть неповторимое движение времени. Сквозь личный мир Блока прошли все бури, все катастрофы, вся вера и все отчаяние его сложного века. Мне хотелось написать об этой трагической и прекрасной жизни, жизни, ставшей судьбой. Судьбой великого поэта, Гамаюна России, пророчески предсказавшего в своей поэзии те «неслыханные перемены, невиданные мятель», которые изменили облик нашего мира.

Я не хотел в своей книге сглаживать противоречия мировоззрения и творчества Блока, упрощать его сложный художественный мир. Блок был и остался идеалистом. Мир для него стихий и катастрофичен. Однако его необычайная чуткость к реальной жизни, к ее движению, к ее правде и лжи, его, говоря словами Горького,

«бесстрашная искренность» оказались в его творческой судьбе решающими. Силой своего громадного таланта, своей гражданской честности, человеческого мужества Блок сумел преодолеть символизм, выйти из тесной кельи мистической поэзии на широкую дорожку поэзии жизни, действительности. «Гений прежде всего — народен» — эта мысль о народе как источнике творческой энергии художника была не просто высказана поэтом, она была выношена всей его жизнью.

Но нужны были годы и годы, чтобы высокое содержание блоковской поэзии выявилось с полной силой. Чтобы то, что казалось в ней когда-то упадочническим, декадентским, проступило как трагическое и необыкновенно глубокое. Чтобы стало возможным говорить об уроках Блока.

Что мне кажется самым ценным в творческом опыте Блока для нас, для нашего времени, для нашего искусства? Об этом я много думал, писал, это хотел выразить и в «Гамаюне».

Блок учит тому, что поэзия — дело нешуточное, что произведение поэта — призвание высокое, потому что он ответствен перед людьми и за людей. Поэту, утверждал Блок, «дана какая-то роль в мировой культуре... его дело — историческое». «Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель: ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами».

Блок учит тому, что поэт должен творить в согласии с духом и ритмами действитель-

ности, с ее «мировым оркестром». «Искусство, — писал Блок, — есть радость быть самим собой, жить и принадлежать обществу». Художник должен «слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выскидывать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра».

Поэзия, утверждал Блок, не «эстетическая забава», а трудный подвиг, испытание огнем и железом. Художественное творчество не терпит суеты, самодовольства и рекламы. Поэт «на каждом шагу должен исповедаться перед собой, проверять себя до конца, выворачиваться наизнанку; если этого нет, — не помогут ни наука, ни вкус, ни даровитость — искусство будет улетать».

Эстетическая ложь, дешевое украшательство, бездушный формализм были глубоко презираемы Блоком. «Предаться головоломным выдумкам — еще не значит быть художником».

Высокое и строгое, мастерство поэзии, та высшая простота, при которой теряют цену любые «узорные финтифлюшки вокруг пустынной души», — вот эстетический идеал Блока. Подлинное произведение искусства Блок уподоблял не регулярному «французскому парку», а волею разросшемуся «русскому саду», где «непреренно соединяется всегда приятное с полезным и красивое с некрасивым. Такой сад прекраснее красивого парка; творчество больших художников есть всегда прекрасный сад и с цветами и с репейником, а

не красивый парк с утрамбованными дорожками».

Все эти глубоко выстраданные, страстно утверждаемые идеи великого поэта звучат в наши дни с особой силой.

Блок сегодня — наш союзник и соратник в борьбе за поэзию больших мыслей и чувств, за поэзию глубоко народную.

А нравственные уроки Блока? Его тождественность к себе была поистине беспредельна. Через все свое душевное отчаяние и мучения он все-таки сумел прийти к высоким идеалам гуманизма, гражданской ответственности, подлинной человечности. Помните это его прекрасное стихотворение?

О, я хочу безумно жить:
Все суше — увеночить,
Безличное — очеловечить,
Несбывшееся — воплотить!
Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхается в этом сне,
Быть может, юноша
В грядущем скажет обо мне:
Простим угрюмство —
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Добро, свет, свобода — вот то, чему учат нас жизнь Блока, его поэзия. Это я и стремился передать в своей книге.

Творчество Блока, как все подлинно великое в искусстве, органически вршло в неостановимый поток времени. Оно обретает все большую силу, поворачивается все новыми смысловыми гранями. В связи с этим углубляется и изучение творческого наследия поэта, расширяются границы исследований.

Спрашиваю Владимира Николаевича, какие вопросы блоковедения представляются ему сегодня наиболее актуальными.

— Прежде всего необходимо четко определить соотношение поэзии Блока с мировой поэзией XX века. Если оставаться в пределах строго исторического подхода, то речь должна идти о периоде предреволюционном и о моменте подготовки и свершения Октябрьской революции. Думаю, что такое исследование покажет уникальность Блока, не имеющего себе равных среди

поэтов нынешнего века по ответственности тех задач, которые он решал, по глубине проблематики — духовной, гражданской, социально-исторической.

Другая важная задача — соотношение поэзии Блока с русской поэтической классикой. Здесь уже многое сделано, но нет обобщающей работы, в которой методологически четко ставился бы вопрос преемственности русской национальной культуры.

Нет итогового исследования и о стиле Блока, о его художественном методе, хотя отдельных точных наблюдений и здесь накоплено достаточно много. Есть много и других, более частных тем, требующих разработки.

Улица Декабристов, 57

Слушаю Владимира Николаевича и думаю, что, пожалуй, одна из таких «частных» тем, по сути, очень серьезная и значительная, — та, которой он был занят в недавнее время: Блок и Петербург. Книга Вл. Орлова «Поэт и Город» подготовлена к печати.

— Нет, это ни в коем случае не путеводитель, — объясняет писатель. — Мною сделана попытка культурно-исторического исследования двух феноменов: Петербурга как феномена русской культуры и Блока, отразившего это культурное явление в своей поэзии. Отразившего не прямо, не «декоративно», а органически, «насытив» свои стихи самой атмосферой, духом великого города.

...Мы едем с Владимиром Николаевичем к последней квартире поэта.

Бывший отдаленный район Петербурга, знаменитая пушкинская Коломна. Здесь, в самом конце Офицерской улицы (ныне улицы Декабристов), «в доме сером и высоком у морских ворот Невы» прожил Блок последние девять лет жизни.

Узкая речка Пряжка с перекинутым через нее не-

затейливым мостиком, тишина...

— Блок любил это место, — рассказывает Владимир Николаевич. — Он любил этот широкий простор, ничем не загроможденное и не перегороженное пространство. В отдалении дымилли фабрики, как и сейчас, вставали эллинги, и подъемные краны Балтийского завода, в ясную погоду на горизонте проплывали корабельные мачты...

Люди, бывавшие у Блока в этом доме, запомнили просторную темную-зеленую комнату, книги в шкафах, на полках, много книг, низкий зеленый абажур над письменным столом, глубокую тишину. Помните ахматовское: «Тихо в комнате просторной, а за окнами — мороз и малиновое солнце над лохматым сизым дымом... Как хозяин молчаливый ясно смотрит на меня!»

Сначала Блок жил на 4-м этаже (кв. 21), в марте 1920 года вынужден был переселиться в другую квартиру, поменьше (кв. 23), на втором этаже. Здесь, в комнате, выходящей окнами на Пряжку, 7 августа 1921 года он скончался.

И снова грохнул шаг твой таящий
В окраину где город гол.
По черной лестнице,
над Пряжкой,
В последний раз поэт прошел...

Владимир Николаевич читает стихи Сергея Городецкого, и отзвуки высокой и трагической судьбы Александра Блока слышатся мне в этих простых и щемящих строках.

Осенью нынешнего года, к столетию со дня рождения поэта, в доме, возле которого мы сейчас стоим, должен открыться музей. Может быть, в одной из его комнат найдется свое место и уникальная блоковская коллекция Владимира Николаевича Орлова — первые издания произведений поэта, книги о нем и о его эпохе, избрательные материалы — все, что собиралось за долгие годы жизни «рядом» с поэтом.

Оживет тихая Пряжка, новым дыханием наполнится дом. Дом, освоенный именем великого русского поэта Александра Блока.

Светлана СЕЛИВАНОВА

265